

НАТОМИЯ МИФА

ОТВЕТЫ
НА ВСЕ
ЗАГАДКИ
СРЕДИЗЕМЬЯ!

ВСЕ ТАЙНЫ МИРА ТОЛКИНА

ДЖ.
Р.Р.

СИМФНИЯ
ИЛУВАТАРА

АЛЬВДИС Н.
РУТИЭН

Анатомия мифа

Альвдис Рутиэн

**Все тайны мира Дж. Р. Р.
Толкина. Симфония Илуватара**

«Алисторус»

2014

Рутиэн А. Н.

Все тайны мира Дж. Р. Р. Толкина. Симфония Илуватара /
А. Н. Рутиэн — «Алисторус», 2014 — (Анатомия мифа)

Впервые в России: ответы на все загадки творчества Толкина! Книги Дж. Р. Р. Толкина стали настоящим феноменом XX и XXI веков. Экранизации его произведений, так мастерски выполненные Питером Джексоном, сделали писателя культовой фигурой современности. Трилогия «Властелин колец», повесть «Хоббит, или Туда и обратно», знаменитый «Сильмариллион» – все это целый мир, созданный гениальным писателем. Вселенная Толкина оказалась настолько яркой, что поклонники его творчества просто не желали из нее возвращаться. Появилась целая субкультура толкинистов. Автор книги – знаменитый исследователь творчества Толкина Альвдис Н. Рутиэн (псевдоним писательницы, профессора Института истории культуры Александры Барковой) – предлагает читателям досконально изучить вселенную Толкина. Почему творчество этого писателя покорило миллионы читателей по всему миру? На каких мифах основывался создатель мира Средиземья? Как толкинистика стала любимым увлечением миллионов людей по всему миру, в том числе и в России? Ответы на все эти вопросы вы найдете в новой книге Альвдис Н. Рутиэн.

© Рутиэн А. Н., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Введение	5
Творец мифа – ученый	7
Глава 1. Любовь к слову	7
Глава 2. Средиземье: построение системы	11
География и астрономия Средиземья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Альвдис Рутин

Все тайны мира Дж. Р. Р. Толкина. Симфония Илуватара

Введение

Английского писателя Дж. Р.Р. Толкина можно по праву назвать «властителем дум целого поколения». И даже не одного – популярность его книг, породивших целую субкультуру, растет с каждым десятилетием. Трилогия «Властелин Колец» – наиболее известное из литературных произведений Дж. Р.Р. Толкина. Она по праву считается одной из самых читаемых книг в истории мировой литературы. Будучи впервые опубликованным в 1954–1955 годах, роман до сих пор вызывает неизменный интерес у все новых и новых поколений читателей. В наступившем веке «Властелин Колец» переживает очередной, весьма бурный период повышенного к себе внимания. Принадлежность «Властелина Колец» к мировой литературе (в самом глобальном смысле: как во временном, так и в пространственном аспекте) оказывается гораздо важнее, нежели принадлежность его конкретно к литературе двадцатого века.

Еще одна причина, не позволяющая говорить о «Властелине Колец» только лишь как о памятнике литературы ушедшего века, – это существование субкультуры, в зарождении которой роман сыграл решающую роль. Истоки этой субкультуры следует искать в «Толкиновских обществах», образованных в середине шестидесятых годов (сразу после издания трилогии в Америке) американскими студентами, для которых книга стала поистине культовой. Затем толкинистское движение распространилось также по Европе. Путь книги в Россию был гораздо медленнее: с начала 1960-х годов существовали самиздатовские переводы, известные лишь единицам, первая часть трилогии была опубликована в 1982 году (и некоторые школьники, которым посчастливилось ее прочесть, целых восемь лет оплакивали Гэндальфа – до выхода второго тома). Только в начале 90-х вышел первый полный перевод трилогии, а чуть позже – и «Сильмариллиона». С конца 80-х годов развивается русское движение толкинистов, то более заметное среди молодежных сообществ, то уходящее вглубь.

В рамках субкультуры «Властелин Колец» перестает быть исключительно художественным текстом; он становится неким своеобразным первоэлементом творения особого мира и одновременно свидетельством существования этого мира – Словом, созидющим Материю, инструментом Демиурга, строящего свой универсум, отличный от физической реальности. И хотя для субкультуры несомненную ценность представляют и другие произведения, вышедшие из-под пера Толкина (в частности, «Сильмариллион»), именно «Властелин Колец» представляется тем краеугольным камнем, на котором держится мироздание в понимании культуры толкинистов.

Так в чем же загадка мира Толкина? Чем отличается «Властелин Колец» от других романов фэнтези? Почему именно эта книга породила целую субкультуру, активно существующую в нашей стране уже третье десятилетие (в то время как другие литературные субкультуры никогда не были так заметны и не перешагнули рубеж 2000-го года)? Что именно находили и продолжают находить во «Властелине Колец» его читатели, почему оказывается возможным осуществление желания автора трилогии, однажды сказавшего: «Мне хотелось, чтобы люди просто оказались внутри книги и воспринимали ее, в каком-то смысле, как реальную историю»¹. Где

¹ Карпентер Х. Джон Р.Р. Толкин. Биография. М., 2002. URL: <http://flibusta.net/b/200013>.

нужно искать момент, в который зарождается абсолютное доверие к тому, о чем читаешь на страницах романа, заведомо являющегося художественным вымыслом?

Ответ на этот вопрос следует искать в глубочайшей эрудиции Толкина. Недаром в субкультуре его зовут просто «Профессор» – не потому только, что он долгие годы был профессором Оксфорда, нет: независимо от глубины собственных познаний в лингвистике, астрономии, ботанике, мифологии, литературе и других науках, толкинисты ощущают, какой огромный багаж знаний стоит за текстом «Властелина Колец».

Чтобы хотя бы отчасти приблизиться к пониманию мира Толкина, мы попытаемся проанализировать его в трех аспектах. Во-первых, как отражение системы знаний, почерпнутых из естественных и точных наук (что создает исключительно достоверную материальную основу мира). Во-вторых, мы рассмотрим мир Средиземья в проекции трех культур, которыми вдохновлялся Толкин: кельтской, скандинавской и финской. И в-третьих, мы дадим абрис образов и сюжетов Толкина с точки зрения типологии, то есть преломления в тексте универсальных мифологических категорий, сохраняющихся на глубинном уровне в мышлении человечества с древнейших времен до наших дней.

Подчеркнем, что если естественнонаучный поход к создаваемому миру был результатом сознательной, целенаправленной работы Толкина, то два других находились скорее в сфере художественного переживания, чем отрефлексированной аранжировки тех или иных мотивов. В этом и заключается уникальность Толкина: ученый в нем верно служит художнику. Именно синтез обеих составляющих – научно выверенной фактографии и полета творческой фантазии – дает в результате уникальный культурный феномен современности: литературное произведение, вышедшее за пределы самой литературы на качественно иной уровень – уровень формирования нового культурного пласта.

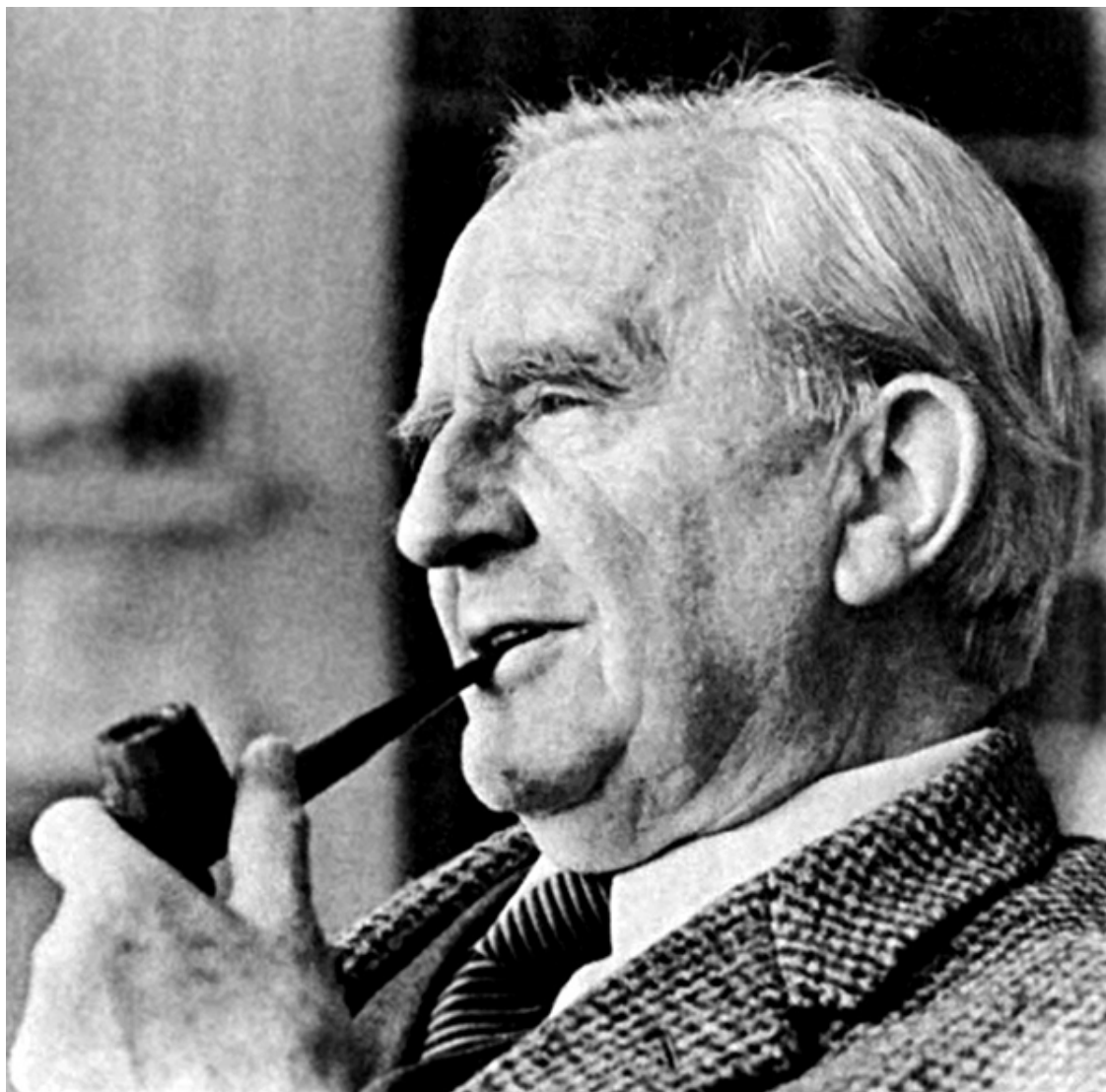
Ранее мы уже предпринимали подобную попытку². Настоящая книга отличается от нашей предыдущей работы, во-первых, главой о кельтских, скандинавских и финских заимствованиях, во-вторых, главой о субкультуре толкинистов; кроме того, основной текст значительно расширен и переработан.

Поскольку автор данной книги принадлежит к субкультуре более двадцати лет, это дает возможность взглянуть на мир Толкина как снаружи, глазами ученого, так и изнутри – глазами того, кто воспринимает Средиземье как пусть нематериальную, но реальность.

² Баркова А.Л., Кувшинова В.Е. Феномен романа «Властелин Колец» // После Пламени. СПб., 2003. URL: <http://mith.ru/alb/tolkien/phenomen.htm>.

Творец мифа – ученый

Глава 1. Любовь к слову

Рассмотрим вначале личность Толкина-писателя по отношению к созданной им мифологической системе в ключе научных изысканий автора в области языкознания, то есть обратимся к логическому подходу ученого-филолога к освоению мифологии.

Корни мифологии Толкина лежат в том глубоком и искреннем интересе к слову, который проявился у будущего писателя еще в раннем детстве. Его интересовало не только значение слов, но и само их звучание и облик. «Лингвистические структуры всегда действовали на меня, как музыка или цвет»³. В четырехлетнем возрасте Толкин познакомился с начатками латыни и французского, этим языкам его обучала мать. Она обнаружила, что сын получает удовольствие, слушая слова, читая их и повторяя их вслух, почти не обращая внимания на смысл.

В возрасте семи лет Толкин написал свое первое произведение – это была сказка о драконе. Драконы сильно занимали воображение впечатлительного мальчика, прочитавшего

³ Толкин Дж. Р. Р. Избранные письма // Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. СПб., 2001. С. 529.

однажды в книге сказок историю о Сигурде, убившем змея Фафнира. Свой ранний опус Толкин (по его собственному признанию) «начисто забыл, кроме одной филологической подробности. Моя мать насчет дракона ничего не сказала, но заметила, что нельзя говорить «зеленый большой дракон», надо говорить «большой зеленый дракон». Я тогда не понял, почему и до сих пор не понимаю. То, что я запомнил именно это, возможно, важно: после этого я в течение многих лет не пытался писать сказок, зато был всецело поглощен языком» (сообщает Х. Карпентер в биографии писателя).

Поступив в школу короля Эдуарда, юный Толкин получил возможность совершенствовать те знания языков, которыми он уже обладал (благодаря урокам матери), и, кроме того, приступить к изучению новых языков, притягательно непонятных до поры. По воспоминаниям самого Толкина, приведенным Х. Карпентером, большую часть времени в школе он тратил на изучение латыни и греческого: «Греческий очаровал меня своей текучестью, подчеркиваемой твердостью и своим внешним блеском. Но немалую часть обаяния составляли его древность и чуждость (для меня). Он не казался родным».

Вслед за классическими языками, предлагавшимися школьной программой, Толкин в старших классах начал серьезно заниматься тем, чего в расписании не было: он стал «докапываться до костей, элементов, общих для всех языков; фактически, он начал изучать филологию как таковую, науку о словах», пишет его биограф. В своих изысканиях Толкин познакомился с англосаксонским языком (называемым также древнеанглийским), прочел в оригинале древнеанглийскую поэму «Беовульф» и, испытав настоящий восторг, пришел к выводу, что это одна из удивительнейших поэм всех времен и народов. «Кентерберийские рассказы» Чосера открыли для него среднеанглийский, на котором были написаны восхитившие будущего писателя поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» и «Перл» (аллегорическое произведение об умершей девочке, которое приписывают автору «Сэра Гавейна»). Кроме того, Толкин обнаружил, что среднеанглийский диалект близок к тому, на котором говорили жители Западного Мидленда, предки его матери. Следующим шагом было обращение к древнеисландскому и прочтение – теперь уже в оригинале, строка за строкой, – той самой истории о Сигурде и драконе Фафнире, которая так завораживала его в детстве. Был еще случайно попавший в руки учебник готского языка (исчезнувшего с лица земли вместе с народом, который на нем говорил, – сохранилось лишь несколько письменных фрагментов); были книги на испанском в доме дяди, наполовину испанца; были и немецкие книги по филологии, где находились ответы на хотя бы некоторые из вопросов, интересовавших начинающего лингвиста.

Искренняя любовь к самому виду и звучанию слов (а также, несомненно, ценная помощь филологических трудов на немецком) подвигла юного Толкина к попытке создания собственного языка. Предполагалось, что это будет реконструкция некоего германского языка, от которого якобы не сохранилось письменных источников. Используя свои весьма к тому времени обширные познания в области лингвистики, Толкин приступил к построению даже не одного, а нескольких вымышленных диалектов, у которых была особая система грамматики и фонологии. Параллельно он работал и над их алфавитами.

К этому времени Толкин окончил школу – пришла пора поступать в колледж. В стенах Эксетер-колледжа в Оксфорде страсть к языкознанию у молодого исследователя была подогрета новыми чудесными встречами – встречами с неизученными пока языками. Во-первых, Толкин по-настоящему занялся валлийским, красотой которого был зачарован с детства (хотя впервые познакомился с этим наречием в не особенно романтической обстановке – ребенком он читал названия городков Уэльса на стенках вагонов с углем, стоявших на запасных путях железной дороги, на которую выходили окна дома, где какое-то время жила семья). От валлийского будущий писатель, по собственному признанию, получил «громадное лингвистико-эстетическое удовольствие» – этим воспоминанием он делится в одном из писем с У.Х. Оденом. Кроме того, в библиотеке Эксетер-колледжа он однажды нашел грамматику финского языка:

«Я ощутил себя человеком, который обнаружил винный погреб, битком набитый бутылками с вином, какое никто и никогда не пробовал. Я бросил попытки изобрести “новый” германский язык, а мой собственный – точнее, их было несколько – приобрел явное сходство с финским в фонетике»⁴.

Значение именно финского для создания собственно мифологии мира Толкина действительно велико: тот самый вымышленный язык, который имел «явное сходство с финским в фонетике» позднее будет фигурировать в произведениях под названием *квэнья*, или «высокое эльфийское наречие». А валлийский, в свою очередь, является образцом для построения фонологии другого эльфийского языка, именуемого *синдарин*.

Получив перевод с классического факультета колледжа на факультет английского языка и литературы, Толкин, среди прочих лингвистических изысканий, начал больше, чем чему бы то ни было иному, уделять внимание среднеанглийскому и англосаксонскому наречиям – эти диалекты были языками предков и представлялись наиболее родными и понятными. Среди древнеанглийских текстов, которые Толкин читал во множестве, ему попалось собрание англосаксонских религиозных стихов – это был «Христос» Кюневульфа. И две строки из поэмы запали в душу особенно:

Eala Earendel engla beorhtast ofer middangeard
monnum sended...

«Привет тебе, Эарендел, светлейший из ангелов, / Над средиземьем людям посланный». В англосаксонском словаре «Earendel» переводится как «сияющий свет, луч», но здесь это слово, очевидно, имеет какое-то особое значение. Сам Толкин интерпретировал его как аллюзию на Иоанна Крестителя, но полагал, что первоначально слово «Эарендел» было названием звезды, предвещающей восход, то есть Венеры. Слово это, обнаруженное у Кюневульфа, взволновало его, непонятно почему. «Я ощутил странный трепет, – писал он много лет спустя, – будто что-то шевельнулось во мне, пробуждаясь от сна. За этими словами стояло нечто далекое, удивительное и прекрасное, и нужно было только уловить это нечто, куда более древнее, чем древние англосаксы»⁵.

Этому «удивительному и прекрасному», пробудившемуся где-то глубоко в душе Толкина под впечатлением от древнеанглийской поэзии, суждено было в дальнейшем проявить себя вовне: развиться, сформироваться, обрести душу и, в конечном итоге, предстать в виде цикла литературных произведений, на страницах которых отражена летопись целого мира, его мифология и его история. Отправной точкой создания всего корпуса текстов стало стихотворение, появившееся в конце лета 1914 года. На написание этого стихотворения Толкина вдохновила его любимая строчка из «Христа» Кюневульфа, где говорилось об Эаренделе; называлось оно «Плавание Эарендела, Вечерней Звезды», и начиналось так:

Эарендель восстал над оправой скал,
Где, как в чаше, бурлит Океан.
Сквозь портал Ночной, точно луч огневой,
Он скользнул в сумеречный туман.
И направил свой бриг, как искристый блик,
От тускневшего злата песков По дороге огня под дыханием Дня
Прочь от Западных берегов⁶.

⁴ Толкин Дж. Р.Р. Избранные письма. С. 530–531.

⁵ Карпентер.

⁶ Пер. А. Хромовой.

В следующих строках описывается путешествие звездного корабля по небесной тверди, продолжающееся до тех пор, пока он не тает в свете восхода.

Образ звезды-морехода, чей корабль восходит на небо, не оставлял воображение Толкина, и сюжет стал развиваться в обширное повествование. При этом Толкин воспринимал себя не как сочинителя истории, а как первооткрывателя древней легенды. Он чувствовал, что существует несомненная связь между историей Морехода Эарендела и «личными языками», плодом лингвистических исследований. В конце концов, Толкин пришел к выводу («выяснил» – по его собственному выражению), что язык, созданный им под влиянием финского и ставший воплощением его языкового вкуса, – это язык, на котором говорят «фэйри», или «эльфы», которых видел Эарендель во время своего удивительного путешествия. Так в мире Толкина впервые появился Дивный Народ, говорящий на квэнья.

В итоге, когда «Властелин Колец» уже был создан, он стал своеобразным альманахом лингвистических пристрастий Толкина: вестрон, всеобщий язык Средиземья, оказался представленным родным языком писателя, то есть английским (точнее, он был «переведен» на английский); на различных диалектах вестрона говорят люди и хоббиты (язык рохирримов сходен со староанглийским, северные хоббитские говоры содержат трансформированные англосаксонские слова и некоторые кельтские элементы); в именах людей и хоббитов присутствуют франкские и готские формы, в именах гномов – древнеисландские; эльфийские языки, как уже упоминалось, в основе своей имеют черты финского (квэнья – «эльфийская латынь», язык Заокраинного Запада) и валлийского (синдарин – «сумеречное наречие», язык эльфов Средиземья).

В этом ряду особняком стоит мордорский язык – Черная Речь, созданная Сауроном и используемая в заклании Кольца Всевласти, а также в некоторых именах и названиях. Попытка исследовать этимологию языка Врага дала любопытный результат: «Обнаружилось не только структурное, но и значительное материальное совпадение хурритского языка (на котором говорили в 3—1-м тыс. до н. э. предки современных армян и курдов, сменивших его на индоевропейские) и Черной Речи»⁷. Довольно неожиданно, если учитывать, что интересы Толкина-филолога лежали в основном в области языков, принадлежащих германской, кельтской и романской группам индоевропейской семьи (финский язык, принадлежащий финно-угорской семье – исключение). Однако при этом в указанном исследовании оговаривается, что «хурритский язык активно обсуждался индоевропейцами и востоковедами как раз в первой половине XX в., причем в тесной связи с расовыми проблемами и происхождением ариев». Велика вероятность того, что эти обсуждения каким-то образом затронули сферу деятельности Толкина как лингвиста, к тому же расовый вопрос весьма актуален для Средиземья (особенно в отношении орков, служащих создателю мордорского языка, – расы отвратительной и во всех смыслах низкой).

⁷ Немировский А. Заклятье кольца и идентификация Черной Речи. URL: <http://eressea.ru/library/public/nemir3.shtml>.

Глава 2. Средиземье: построение системы

«Язык (как орудие мышления) и миф появились в нашем мире одновременно», – писал Толкин в знаменитом эссе «О волшебных сказках». Но по отношению к созданному им самим миру дело обстояло несколько иначе.

Здесь «вначале были языки, легенды появились потом»⁸. Легенды – то есть литературные произведения Толкина – всегда были для него попыткой создать мир, в котором получили бы право на существование его лингвистические пристрастия. Возвращаясь снова и снова к сюжету об Эаренделе и фэйри, Толкин утвердился в мысли, что, для того, чтобы сделать вымышленный язык более или менее сложным и «настоящим», нужно найти для него историю, в которой он мог бы развиваться, в которой действовали бы герои, говорящие на этом языке. Именно тогда и возник грандиозный замысел – желание сотворить, а вернее – «открыть

⁸ Толкин Дж. Р.Р. Избранные письма. С. 531.

заново», «реконструировать» целую мифологию, которая основой своей имела бы «тайный порок» (так Толкин называл собственную страсть к изобретению новых наречий).

Еще со времен учебы в Эксетер-колледже Толкин искренне сожалел о том, что на английской почве не сохранилось никаких преданий, подобных финской «Калевале»: «меня с малых лет печалила бедность моей родной страны, у которой не было собственных легенд»⁹. И поэтому задуманный мифологический цикл предполагал собой не что иное, как реконструкцию, возрождение исконно английской мифологии. В одном из писем Толкина можно найти упоминание о том, как зародилась такая идея: «Не смейтесь, пожалуйста! Но когда-то, давным-давно (с тех пор я сильно пал духом), я решился создать корпус более или менее связанных между собою легенд самого разного уровня, от широких космогонических полотен до романтической волшебной сказки, так чтобы более обширные опирались на меньшие, не теряя связи с почвой, а меньшие обретали величие благодаря грандиозному фону, – которые я мог бы посвятить просто: Англии, моей стране. Эти легенды должны были обладать тем тоном и свойствами, о которых я мечтал: это нечто прохладное и прозрачное, благоухающее нашим «воздухом» (то есть климатом и почвой Северо-Запада, включающего в себя Британию и близкие к ней области Европы, а не Италию и побережье Эгейского моря и уж тем более не Восток), и отличаться – если бы я сумел этого достичь – дивной неуловимой красотой, которую некоторые называют «кельтской» (хотя в подлинных древних кельтских текстах она встречается чрезвычайно редко); они должны быть “высокими” очищенными от всего грубого, и пригодными для более зрелого духа страны, давно уже с головой ушедшей в поэзию. Часть основных историй я хотел изложить целиком, а многие другие оставить в виде замыслов или схематических набросков. Отдельные циклы должны были объединяться в некое величественное целое и в то же время оставлять место иным умам и рукам, для которых орудиями являются краски, музыка, драма. Вот абсурд!»¹⁰.

Каким бы абсурдным ни казался писателю его ранний замысел, тем не менее он все же был осуществлен. Насколько полно результат соответствует задуманному изначально – судить трудно, но факт остается фактом: Толкин посвятил действительно всю свою жизнь тому, чтобы воплотить идею в реальность. Начав в 1917 году работать над «Книгой утраченных сказаний», Толкин на протяжении многих лет продолжал творить, строить по кирпичику-словечку башню своего мироздания: материалом ему послужили и космогонические легенды, и сказочно-романтические истории, и героико-эпические сказания. Венцом же всего цикла стала трилогия о Войне Кольца.

Несмотря на не покидавшее Толкина ощущение того, что он лишь «фиксирует» некие события, происходившие (или происходящие) в действительности, а вовсе не «изобретает» их, он всегда настаивал на том, что «Властелин Колец» (как, собственно, и другие сказания цикла) – «литературное произведение, а не историческая хроника, в которой описываются реальные события»¹¹. При этом он признавал, что выбранная им манера изложения, придающая произведению «историческую достоверность», оказалась удачной, что «доказывают письма, судя по которым «Властелин Колец» воспринимается как «отчет» о реальных событиях, как описание реальных мест, чьи названия я искажил по невежеству или небрежности»¹².

Что же способствовало восприятию трилогии в качестве хроники событий, имевших место в действительности, что создавало иллюзию трехмерности? Дело в том, что, будучи ученым-систематиком, Толкин, создавая роман, посвятил немало времени проработке номенклатуры и различным расчетам, стремясь к последовательности и выверенности. Помимо изоб-

⁹ Там же.

¹⁰ Карпендер.

¹¹ Толкин Дж. Р. Р. Избранные письма С. 539.

¹² Там же.

речения наречий, имен, названий и знаков письменности для различных племен Средиземья, он не меньше внимания уделил и другим важным элементам, составляющим картину мира, частью которого является Средиземье. Прежде всего, была подробнейше, по эпохам, годам и датам, расписана вся хронология; проработаны генеалогические древа родов, наиболее значимых для истории этого мира; продуманы системы летосчисления и составлены календари для разных народов. Все вышеозначенное добавляет достоверности для восприятия собственно истории той земли, где обитали герои «Властелина Колец». Но истории не бывает без географии, и здесь мы также видим, насколько тщательно Толкин проработал вопрос пространства.

География и астрономия Средиземья

«Мне необходимо было, полагаю, сконструировать воображаемое *время*, а что до *места* – крепко стоять ногами на земле-матушке» – сказано в письме Толкина к Роне Бир. Пространственно-временной континуум книг Толкина давно стал предметом научного анализа – как астрономического, так и географического. И прежде чем соотносить Средиземье Третьей эпохи с географической картой Европы, нам необходимо обратиться именно к работам по астрономии мира Толкина.

В том же письме говорится: «Я полагаю, разрыв составляет около 6000 лет; так что мы сейчас находимся в конце Пятой эпохи, если эпохи по длине примерно соответствовали В.Э. [Второй Эпохе] и Т.Э. [Третьей Эпохе]. Однако я думаю, они ускорились; сдается мне, на самом деле сейчас заканчивается Шестая эпоха, или даже Седьмая». Упомянутый разрыв – как написано в письме строкой выше «между Падением Барад-дура и нашими Днями». Соответственно, географические аналогии следует начинать с карты Европы шеститысячелетней давности.

Шесть тысяч лет назад Британия – еще не остров, и ее линия побережья выдается западнее современной Ирландии. Береговая линия Средиземья Третьей Эпохи соответствует Кельтскому шельфу, а также шельфу Франции и Италии. Толкин в рисунке своих карт отталкивался от реальной исторической географии, и это придает его книгам не только убедительность, но и уникальность. То, о чем пойдет речь далее, – соответствия между народами вымышленного мира и культурами реальных стран определенного периода – не редкость в хорошей фэнтезийной литературе (например, в этом причина заслуженного успеха «Отблесков Этерны» В. Камши), но, насколько нам известно, ни один из авторов не использовал данные палеогеографии, тем более – не рисовал карт на их основе.

При этом карты Толкина – все же карты его мира, а не калька с исторических земных. И при всем высоком соответствии линии шельфа берегам Средиземья – Пиренейского полуострова мы не найдем¹³.

Но прежде чем переходить к географии – еще несколько слов об астрономии.

Читателя, который возьмется за приложения к «Властелину Колец» и станет внимательно просматривать хронологию Третьей Эпохи, шокирует строчка: «30 февраля. Начинается совет энтов. Йомер встречается с Арагорном». Как же возможно в мире, который столь похож на наш, тридцать дней в феврале?

Ответ чрезвычайно прост. «Толкин оговаривал, что, “хотя времена, о которых идет речь, по человеческим меркам могут считаться весьма от нас отдаленными, для Земли это не такая уж глубокая древность”... Из-за приливного действия Луны и Солнца вращение Земли постепенно замедляется, продолжительность суток увеличивается. В году укладывается все меньшее число суток... Сейчас в тропическом году укладывается 365 дней 5 часов 48 минут 45 секунд. Пять тысяч лет назад тропический год насчитывал 365 дней 5 часов 49 минут 45 секунд.

¹³ Никанор (Лепешев Д.), Элентирмо (Беляков С.). Естественнонаучные аспекты ардологии: Астрономия, география, история в мире Толкина (письмо 20). URL: <http://liga-ivanovo.narod.ru/lt20.htm>.

Вроде бы разница небольшая, всего одна минута, однако за прошедшие 5000 лет мы потеряли сутки!»¹⁴ Поскольку события «Властелина» Толкин относил к шеститысячелетней давности, наличие дополнительного дня в году – закономерно.

Широко известно, что во «Властелине Колец» фазы луны рассчитаны по календарю (автор этих строк при работе над романом «Холодные камни Арнора» имела возможность лично это проверить, рассчитывая положение луны для других дат). Аналогичным образом Толкин выверял интенсивность свечения звезд, положение созвездий и комет. Вот самый яркий (в разных смыслах) пример. Когда происходит «диалог Фродо и Галадриэли у Зеркала, говорится, что на небе уже появились звезды, то есть наступили глубокие сумерки, а высоко на западе засияла Вечерняя Звезда – планета Венера: “...И так ярк был ее свет, что фигура эльфийской Владычицы отбросила на землю бледную тень”. Действительно, во время наибольших элонгаций Венера достигает такой яркости, что возникают тени от предметов. С точки зрения астрономии данный отрывок очень верно описывает вечернюю видимость Венеры. Дело в том, что наилучшее время наблюдения этой планеты вечером – с февраля по апрель, когда эклиптика на средних широтах (48 градусов для Лориэна) имеет наибольший угол к горизонту. Моделирование показывает, что высота Венеры над горизонтом в это время могла достигать 30 градусов, то есть Венера вполне могла наблюдаться над верхушками деревьев, а ее яркости (минус 4,5) было достаточно для образования теней»¹⁵.

Мы не станем здесь пересказывать работы по астрономии в мире Толкина, отсылая интересующихся к указанным публикациям Элентирмо. Приведем лишь одну цитату, касающуюся событий Первой Эпохи: «У Профессора есть любопытный рисунок “Дракон Глаурунг выходит на поиски Турина”. На небе изображена большая комета. И, как оказалось, это не просто способ заполнить пустое пространство. Согласно полученной мною таблице, наготрондские события (около 495 г. Первой Эпохи) приходится приблизительно на 11542 г. до н. э. Как установил академик А. Войцеховский, в этом году на минимальное расстояние к Земле подходила комета Галлея, и была она видна даже лучше, чем в пресловутом 837 году! Вот так. Совпадение? Решайте сами»¹⁶.

Астрономические расчеты основаны на географических, широта и долгота для многих объектов Средиземья давно вычислены. Работы подобного рода появляются отнюдь не только в среде фэндома, так, из свежих трудов укажем статью Дэна Ланта из университета Бристоля «Климат Средиземья»¹⁷, причем для ученого это было частью работы по компьютерному моделированию климата; помимо прогноза погоды для мира Толкина им были смоделированы климатические данные для доиндустриальной Земли и для эпохи динозавров. Часть работы, посвященную Средиземью, ученый логично подписал именем Радагаст Бурый, что ничуть не умаляет серьезности исследования.

Продолжая обзор мира Толкина на макро-уровне, нельзя не отметить работу Р. Исмаилова «Тектоника плит Белерианда»¹⁸. Посвященная геологическим процессам Первой Эпохи и полностью построенная на карте Толкина, эта статья доказывает, что катастрофа Войны Гнева, приведшая к гибели Белерианда, была сугубо естественным геологическим процессом. «Получив мощный толчок, весь Белерианд оторвался от Средиземья, и в разлом, проходящий почти точно по Гелиону (река на востоке Белерианда, в Третью Эпоху эти территории находились под водами. – А.Б.), хлынуло море. Как уже отмечалось выше, устье Гелиона лежит ниже уровня

¹⁴ Элентирмо (Беляков С.). Отражение астрономических познаний Толкина в его творчестве. URL: <http://liga-ivanovo.narod.ru/tollkastro.htm>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Никанор, Элентирмо. Письмо 2. URL: <http://liga-ivanovo.narod.ru/lt2.htm>.

¹⁷ Radagast the Brown (Dr Dan Lunt). ‘The Climate of Middle Earth! URL: <http://www.bristol.ac.uk/news/2013/10013.html> Перевод можно посмотреть здесь: <http://iffected.diary.ru/pl97226138.htm>.

¹⁸ http://www.igstab.ru/materials/black/Ism_Tektonilka.htm.

моря, поэтому высота ударной волны, затопившей весь восточный Белерианд, была огромной». Более того, такой естественнонаучный подход объясняет безо всякой магии и появление цепи Зачарованных островов, оградивших Валинор от внешнего мира: «Извержение продолжалось еще лет двадцать, после чего вулканы ушли под воду, но сейсмическая активность не прекратилась. И более позднее время, вплоть до третьей эпохи, зона вулканической активностью была опасной для мореплавания, это именно она была тем поясом безопасности, который отделял Валинор от Средиземья».

Прежде чем обратиться к теме соотношения географии мира «Властелина Колец» и земной, следует сделать существенное замечание. При всех совпадениях с реальной географией, мир Толкина – не ребус, а художественное произведение, где главное – соответствие внутренней логике мира, а параллели из «земной» географии и истории культуры выступают лишь в роли строительного материала. Поэтому один и тот же объект Средиземья может в разных проекциях рассматриваться как соответствие двум совершенно различных реалиям. И наоборот. Поэтому не должно казаться ошибкой, что, например, Арнор, с одной стороны, сопоставим с Западной Римской империей, а с другой – с кельтами, ее ярыми противниками: верны оба утверждения, но каждое в своем контексте.

Отсылая интересующихся к работам Элентирмо¹⁹ (С. Беляков) и Эрандила²⁰ (А. Семенов), мы предпримем попытку облегчить участь читателя, сведя данные об историко-географических параллелях Средиземья Третьей Эпохи в некую условную непротиворечивую систему. Тем самым мы вынуждены отсечь ряд интересных (и обоснованных) трактовок, которые, впрочем, заинтересованные всегда найдут по указанным ссылкам.

Если в основе физической карты «Властелина Колец» лежат данные палеогеографии, то политическая карта строится на данных культуры средневековья, причем обобщенного. Это период земной истории около тысячи лет, примерно с V по XIV века н. э.: принимая параллель Арагорн – исторический король Артур как нижнюю границу, в качестве верхней границы назовем экспансию Мордора на Гондор как аллюзию захвата турками Византии, правда, с иным исходом этой битвы (основания для таких сближений мы приведем далее).

Осью карты Третьей Эпохи является река Андуин, которая во многих работах обоснованно соотносится с Дунаем. Дунай – это важнейший рубеж обороны Западной Европы, это та граница, которая серьезно задерживала кочевников Азии – будь то гунны или монголы, это была и преграда на пути вторжения османов. Не случайно названия рек Андуин и Дунай созвучны, хотя этимология слова «Андуин» – кельтская, от корня, означающего нижний мир и, кстати, родственного русскому слову «дно». При этом важно подчеркнуть, что соответствие Андуин – Дунай относится прежде всего к области историко-культурной, а не собственно географической (Андуин течет с севера на юг, Дунай – с запада на восток); с точки зрения физической карты Андуин – это обобщенный образ главных рек Европы (Одера, Эльбы, Рейна и др.), совмещенный с Дунаем в среднем и нижнем течении. Как видим, исторические аналогии в мире Толкина оказываются гораздо прочнее и надежнее, чем собственно географические.

Другой отправной точкой для корреляции карт является соотношение хоббитского Шира с сельской Англией, и в частности с окрестностями Оксфорда (письмо к Шарлотте и Денису Плиммерам). Сам Толкин давал следующую корреляцию в этом письме: «Если Хоббитон и Ривенделл расположены (как предполагается) приблизительно на широте Оксфорда, тогда Минас Тирит, шестьюстами милями южнее, находится примерно на широте Флоренции. А устья Андуина и древний город Пеларгир – приблизительно на широте древней Трои». Пейзаж Шира и его окрестностей – типичный для Британии, и в частности, Толкин резко разграничивает на своих картах два типа возвышенностей: downs и hills (что, к сожалению, утрачивают

¹⁹ <http://liga-ivanovo.narod.ru/lettolkien.htm>.

²⁰ <http://eressea.ru/library/public/semenowl.shtml>.

переводы). Downs – это не просто холмы, это «полые холмы», воспетые в британском фольклоре, то есть холмы с естественными пещерами. Hills (мы предлагаем переводить этот термин как «кряж») пещер не имеют. Заметим, что категорически ошибочным является распространенный перевод названия Barrow Downs как «Могильники» и подобным образом, поскольку могильник – это искусственное насыпное сооружение, а у Толкина Умертвия обитают в холмах, где захоронения совершались в естественных пещерах. Разумеется, поскольку в русской культуре ничего подобного не было, в нашем языке нет и адекватного термина (в «Холодных камнях Арнора» я перевожу как «Холмы Могил», что тоже небезупречно, но хотя бы не содержит ошибки). Разграничение терминов downs и hills дает ключ к вопросу, который, сколько нам известно, не поднимался в толкиноведении: где именно жили дунаданы в конце Третьей Эпохи? Ответ на карте: Northern Downs – хребет, южная точка которого – руины Форноста. Этот каменный массив – единственный, обозначенный как downs к северу от Великого Западного тракта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.